
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, НОМИНИРУЮЩИХ ЖЕНЩИН ЛЕГКОГО ПОВЕДЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ж.В. Кургузенкова

Отделение иностранных языков ИППК
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В рамках данной статьи был систематизирован гендерно-маркированный фразеологический материал французского и русского языков, номинирующих женщин легкого поведения. Были сделаны выводы о наиболее многочисленных фразеосемантических группах данной тематики и даны пояснения к часто встречающимся компонентам в составе фразеологических единиц. Особое внимание уделяется коннотативным и структурным особенностям фразеологических единиц избранной тематики с целью выявления сведений об особенностях культуры и национальных характеров представителей двух этносов.

Ключевые слова: национальный характер, национальная культура, лингвокультурологический анализ, фразеология, концепт «любовь», женщина, французский язык, русский язык.

Происходящие в современном мире политические и социально-экономические преобразования привели к радикальным изменениям способов и форм существования многих народов, качественной перестройке их ценностных ориентаций. При все возрастающем воздействии общества на окружающий мир становится жизненно важной разработка лингвокультурологической проблематики, более разнообразный подход к изучению этнопсихологии, в частности к разработке понятия «национальный характер».

Национальное своеобразие личности состоит прежде всего в неповторимом сочетании общих для всех наций и народов элементов, в комбинации системы отношений и ценностей, составляющих национальный характер. Под национальным характером вслед за Н.М. Фирсовой, мы понимаем «совокупность национальных психологических черт, менталитета, национальных традиций и обычаев, сформировавшихся под влиянием климатических и географических факторов, особенностей исторического развития, религии данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры, в языке и коммуникативном поведении народа» [5. С. 132].

Анализ семантической структуры фразеологизмов с культурным компонентом значения, предпринятый в этой статье, показал, что изучение коннотативного значения в семантике фразеологических единиц (ФЕ) с культурным компонентом должно быть выдвинуто на первый план, так как лишь через изучение этого образа мы можем проникнуть в культуру страны изучаемого языка и в особенности национального характера его носителей, подойти к изучению ФЕ с точки зрения их связи с культурой народа — носителя языка.

Лингвокультурологический аспект исследования позволяет выделить в ФЕ национально-культурный фон, являющийся хранилищем и источником информации о национальной культуре и национальном характере представителей этой культуры. А привлечение в исследовании родного языка дает возможность ответить на вопрос, как и в чем проявляется национальное своеобразие фразеологизмов, установить их положительные и отрицательные коннотации, вскрыть исходную мотивированность, выявить системные связи фразеологизмов, их семантические, стилистические и грамматические свойства и коммуникативные функции в высказывании.

В рамках данной статьи нам бы хотелось остановиться на рассмотрении такой отличительной черты национального характера французов, как куртуазность.

По словам Сальвадора де Мадарьяги, «любовь во Франции не встречает никаких препятствий при движении по откровенно гедонистическому пути. В коллективной сфере все эти тенденции удачно гармонируют с тенденцией к моральной терпимости, присущей французскому народу» [2. С. 188]. Мы полностью разделяем вышеприведенную точку зрения. Однако открытым остается вопрос: распространяется ли моральная терпимость французской нации в равной степени на мужчин и на женщин? И нет ли различий в критериях оценки сходного поведения представителей обоих полов?

Важное место в системе ценностей любого общества занимает отношение к женщине. Во Франции оно эволюционировало вместе с обществом.

Средневековая Франция была родиной идеала куртуазного служения прекрасной даме, воспетого трубадурами и труверами. Со времен Ренессанса и Просвещения французские женщины высшего общества стали судьями и вдохновительницами культурной жизни страны. Двор Маргариты Наваррской или салон мадам Рекамье явились прообразами литературных салонов, где до наших дней безраздельно царствует хозяйка дома.

В аристократическом обществе женщины получали образование и участвовали в светских увеселениях, их окружали знаками почтения и внимания. Король Людовик XIV снимал шляпу перед всеми женщинами, а из мужчин — только перед принцами крови. Галантность, «куртуазность» считались неотъемлемыми признаками хорошо воспитанного человека.

Сегодня женщины во Франции требуют такой же, как у мужчин, зарплаты, возможности занимать высокооплачиваемые должности наравне с мужчинами и равных с ними возможностей в плане образования и профессионального роста. Однако, как показал собранный нами фактический материал, отношение общества к «вольному» поведению женщины во многом осталось прежним.

Рамки этой статьи не позволяют привести весь материал данной тематики, поэтому ограничимся наиболее яркими с точки зрения наличия культурного компонента значения ФЕ группы «Любовь и эротика в номинации французских женщин». На основании изученных примеров можно сделать вывод о том, что языковым средством, номинирующим поведение женщины с целью привлечения внимания мужчины, присуща отрицательная эмоциональная коннотация (женское поведение такого рода — это некий переход определенных норм и границ,

установленных в обществе, отсюда, как правило, появление иронии при их характеристике или откровенного порицания). Проиллюстрируем все вышесказанное на примерах. Группа ФЕ, номинирующих «женщин легкого поведения», дифференцирована по возрастному признаку. В нашей классификации будут рассмотрены способы номинации лиц молодого и среднего возраста, а также отдельно характеризующие лиц пожилого возраста.

Анализ способов номинации «женщины легкого поведения» во французском и русском языках проведен нами как в плане синхронии, так и в плане диахронии.

В христианизированной русской культуре утвердился стереотип женщины-домоседки и «вольное» поведение женщины воспринимается русскими как нарушающее нравственные каноны, о чем свидетельствуют многие «жесткие» идиомы [4. С. 264]. И действительно, все способы номинации «женщин легкого поведения» отнесены в русском языке к разряду ненормативной лексики: шлюха (груб.-прост.); лярва (груб.-прост.); курва (вульг.), шкура (груб.-прост.) и т.д. Как отмечает в своем исследовании Ю.С. Степанов, «Семейная жизнь на Руси, отнюдь не рыцарского — даже в высших слоях общества — характера. В ней не было ничего подобного любовным подвигам трубадуров, труверов и миннезингеров» [3. С. 413]. Следовательно, в русском языке единицы этой тематики отличаются яркой стилистической и эмоциональной маркированностью, так как они принадлежат к пласту ненормативной лексики.

Французскому менталитету присуща большая толерантность в данных вопросах. О любовных авантюрах во Франции принято говорить как о “*petit péché mignon*” (букв. — маленький миленький грешок, т.е. понятие греха “*péché*” сопровождается эпитетами: “*petit*” — маленький и “*mignon*” — миленький, что совершенно сглаживает эффект греховности). О том, что французы не отличаются пуританством в вопросах любви, свидетельствуют не только ФЕ данной подгруппы, но и литературный эпос Франции, так, например, в народной лирике XIII века во Франции господствуют «ронделеты» и «баллады», воспевающие любовь-адультер, когда женщина и ее любовник обманывают и высмеивают ревнивого мужа [3. С. 411]. Историки литературы восстановили модель куртуазной любви по сохранившимся поэтическим текстам того времени. Модель проста: в центре ее находится замужня женщина, «дама». Неженатый мужчина, «юноша», обращает на нее внимание и загорается желанием. Отныне, пораженный любовью (любовь означала тогда исключительно плотское влечение), он думает только о том, чтобы овладеть этой женщиной. Для достижения цели мужчина делает вид, что подчиняется во всем своей избраннице. Дама — жена сеньора, нередко того, которому он служит, она — хозяйка дома, где он работает, и в силу этого является его госпожой. Мужчина, однако, всячески подчеркивает свое подчинение. Он, как вассал, встает на колени, он отдает себя, свою свободу в дар избраннице. Женщина может принять или отклонить этот дар. Если она, позволив себе увлечься словами, принимает его, она более не свободна, так как по законам той эпохи никакой дар не может остаться без вознаграждения. Правила куртуазной любви, воспроизводящие условия вассального контракта, по которому сеньор обязан вассалу теми

же услугами, что получил от него, требуют от избранницы в конце концов предаться тому, кто принес себя ей в дар. Достоин восхищения был тот, кто добивался взаимности женщины своего круга. Символический подвиг заключался в том, чтобы покорить жену брата, дяди или сеньора, нарушив самые строгие запреты, так как к верности жен (наряду со способностью их к деторождению) предъявлялись жесткие требования: от этого зависела правильность наследования. Общеизвестно, что двор в те времена был тем самым местом, где особенно процветала охота за благородными женщинами. Следует также отметить, что в те времена морально-нравственные каноны поведения были одинаковы как для мужчин, так и для женщин. Этот факт подтверждают две ФЕ, появление которых в речи специалисты-фразеологи относят к XVI веку [б. С. 866]: *homme de mauvaise vie* (букв. мужчина, ведущий плохую жизнь) — альфонс; *femme de mauvaise vie* (букв. женщина, ведущая плохую жизнь) — особа легкого поведения.

Однако из двух вышеприведенных ФЕ до наших дней дошла только вторая, а первая вышла из употребления к концу XVII века, когда наметились заметные перемены в общественной морали. Подобная свобода нравов продолжала царить во французском обществе до XVIII века, о чем свидетельствует ФЕ того времени: *femme de composition facile* (arch.) (букв. дама легкая в обхождении) — легкомысленная женщина.

Толерантное отношение общества к свободному поведению женщины во Франции того времени подтверждается выбором лексических единиц для их наименования. Если проанализировать элементарные смыслы всех компонентов вышеприведенной единицы, то мы не найдем в ее составе ни одной семы с ярко выраженным негативным стилистическим значением.

Позднее во французском обществе произошли коренные изменения во взглядах на сексуальную свободу мужчины и женщины.

Изменения в сторону ужесточения правил поведения, предписываемых женщине французским обществом, наложило свой отпечаток и на лексику языка, в частности фразеологию. Появляются ФЕ с явно выраженным пейоративным стилистическим значением. Проследить это языковое явление можно на примере синонимического ряда ФЕ со значением «куртизанка», где ведущим компонентом является лексема «*marchande*» (продавщица, торговка), которая придает всем ФЕ пренебрежительный оттенок значения: «*marchande d'amour*» (букв. продавщица любви) / «*marchande d'illusions*» (букв. продавщица иллюзий) / «*marchande de plaisir*» (букв. продавщица удовольствий) / «*marchande de sourires*» (букв. продавщица улыбок).

Приведем еще один пример, появление которого Клод Дюнотон [б. С. 205] относит к началу XIX века. Нижеприведенная ФЕ наглядно иллюстрирует изменение общественного мнения в вопросах морали: *femme de petite vertu* (букв. женщина малой добродетели) — особа легкого поведения.

Эффект негативного отношения усиливает эпитет «*petite*» (маленький) перед постпозитивным предложным определением «*vertu*» (добродетель). Наличие этого явно оценочного компонента в составе данной ФЕ, который в целях эвфемизации

иногда заменялся на «*тоуепне*», подчеркивает факт того, что в отношении общества к вопросам морали произошли изменения. Понятие «*vertu*» не является более относительным, которое можно рассматривать с точки зрения «*petite*» или «*тоуепне*», добродетель может быть только абсолютной (*grande / absolue*).

Вышеприведенные примеры ясно демонстрируют подход картезианского французского ума к номинации женщин самой древней профессии. Русскому менталитету при всей его нетерпимости к подобным вещам присуще чувство глубочайшей стыдливости в определении всего, что связано с физической стороной любви, так как целомудрие — «концептуализированный мотив» русской культуры, а французской жизни свойственен эротизм [3. С. 412]. Поэтому в нормативном языке наблюдается интересное кроскультурное смещение: французы, будучи толерантной и куртуазной нацией, весьма четко номинируют любые понятия, руководствуясь своим картезианским складом ума; а русские, будучи весьма строгой нацией в вопросах морали, стыдливо накидывают покров образности в обозначении многих понятий, относящихся к данной тематике.

В эту же подгруппу также отнесены ФЕ, обозначающие уже немолодых, но влюбчивых женщин. Как во французском, так и русском языке присутствует традиционное свободное словосочетание «*vieille coquette*» (старая кокетка). Однако при концептуализации женщины большую роль играет параметр возраста, который так или иначе находит свое отражение во фразеологическом составе языка. При номинации немолодой женщины в обоих исследуемых языках метафорически подчеркивается тот факт, что в пожилом возрасте женщины не способны ни производить потомство, ни много работать. А воплощением этого элементарного смысла во французской фразеологии стал зооморфный образ «лошади» в качестве характеристики немолодых, но темпераментных женщин: *cheval de retour* (букв. старая лошадь) — престарелая кокетка.

Следует отметить, что в русском языке есть ФЕ со сходной образной основой: «старая кляча». Эта единица выступает в русском языке как стереотипный образ для номинации непривлекательной, усталой женщины, неспособной выполнять какую-либо работу, непригодной к производству потомства [1. С. 119]. Таким образом, можно констатировать совпадение в трактовании данного зооморфного образа в двух языках.

Во французской фразеологии есть еще один пример с близким значением: *vieille peau* (букв. старая кожа; ср. в русском: «шкура» (груб.- прост.) — проститутка) — престарелая куртизанка. В данной ФЕ лексема «*peau*» (кожа) метонимически обозначает человеческое тело (как мужчины, так и женщины), следовательно, ФЕ может употребляться и для характеристики немолодого мужчины (значение «потрепанный ловелас»). Данная единица имеет синоним «*vieille coeuppe*» (букв. старая свиная кожа), которая в основном употребляется для характеристики мужчин. Очевидно, что обе вышеприведенные ФЕ несут явно выраженное пейоративное стилистическое значение, которое еще усиливается во втором случае в силу сильнейшей эмоциональной нагрузки сравнения «человек — свинья».

Проведя анализ ФЕ тематической группы со значением «куртизанка», можно сделать вывод о сходстве отношения двух наций к номинируемому понятию, так как и во французском языке, и в русском ФЕ подгруппы «куртизанка» в наши дни присуща явная отрицательная окрашенность.

Концептообразующий признак морального аспекта в поведении женщины во французской лексике представлен чрезвычайно детально, особенно в обозначении «дурной» женщины.

Вряд ли можно отрицать, что образ женщины — выраженный ли текстами, или запечатленный в зрительном ряде — один из базовых отличительных признаков той или иной культуры, одна из основных ценностей данной культуры и концентрированное сгущение ее духовного потенциала. Женский образ — мощная культурная метафора: от возвышенного поэтического образа прекрасной дамы, романтической возлюбленной до низкого образа женщины-вещи, объекта потребления, весь спектр женских персонажей в культуре европейских народов представляет собой глобальную проекцию внутренних переживаний человека вовне, комплекс представлений о собственной природе, отчужденных сознанием человека, мифологизированных и перенесенных на свою «вторую половину». Культурообразующая метафора женщины формируется под воздействием сильнейшей эмпатии со стороны мужчины — творца патриархальной культуры. Интериоризация женской культурной мифологии самой женщиной (т.е. послушное со стороны женщины следование тем житейским стереотипам, которые на основании этой мифологии формируются), может оказаться губительным для ее личности и судьбы. Иными словами, культурная парадигма женской личности устроена таким образом, что создаваемый языком и культурой ее собственный образ не отвечает необходимости аутоидентификации и не функционирует в ее собственном вокабуляре. Идентифицируясь с той или иной мифологемой, женщина не обозначает самое себя, а лишь отягощает собственный образ массой коннотаций, закрепленных за этой мифологемой обращенным со стороны мужским взглядом. Многое говорит о том, что эта коллизия зарождается глубже того уровня, на котором существуют произведения литературы и искусства — а именно, на уровне языка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Захаренко И.В. Лингвокультурологический словарь «Русское культурное пространство». — М.: Гнозис, 2004. [Zaxarenko I.V. Lingvokulturologicheskij slovar «Russkoe kulturnoe prostranstvo». — М.: Gnozis, 2004.]
- [2] Мадариага Сальвадор де. Англичане, французы, испанцы. — СПб.: Наука, 2003. [Madariaga Salvador de. Anglichane, francuzy, ispancy. — SPb.: Nauka, 2003.]
- [3] Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. — М.: Академический проект, 2001. [Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar russkoj kultury. — М.: Akademicheskij proekt, 2001.]
- [4] Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996. [Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty. — М.: Yazyki russkoj kultury, 1996.]

- [5] *Фирсова Н.М.* К проблеме понятия «национальный характер» // Романские языки и культуры. — М.: МГУ, 2003. [*Firsova N.M.* К проблеме понятия «nacionalnyj karakter» // V sbornike: Romanskije yazyki i kultury. — М.: MGU, 2003.]
- [6] *Duneton C.* Le Bouquet des Expressions Imagées». — Paris: Seuil, 1990.

**LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS
OF GENDER MARKED PHRASEOLOGICAL UNITS
OF PHRASEOSEMANTIC GROUP DESIGNATING WOMEN
OF EASY VIRTUE**

Zh.V. Kurguzenkova

Department of Foreign Languages
Institute of Professional Development and Retraining
Peoples' Friendship University of Russia
Miklucho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article aims at systematizing French and Russian phraseological units characterizing women of easy virtue. The conclusion concerns the most numerous phraseosemantic groups within this topic, the most frequently occurring elements of the units are commented upon. Special attention is paid to the connotative and structural peculiarities of the phraseological units of the chosen subject matter in order to identify information about the culture and national character of representatives of two ethnic groups.

Key words: national character and national culture, linguistic and cultural analysis, the phraseology, the concept of 'love', woman, French, Russian.